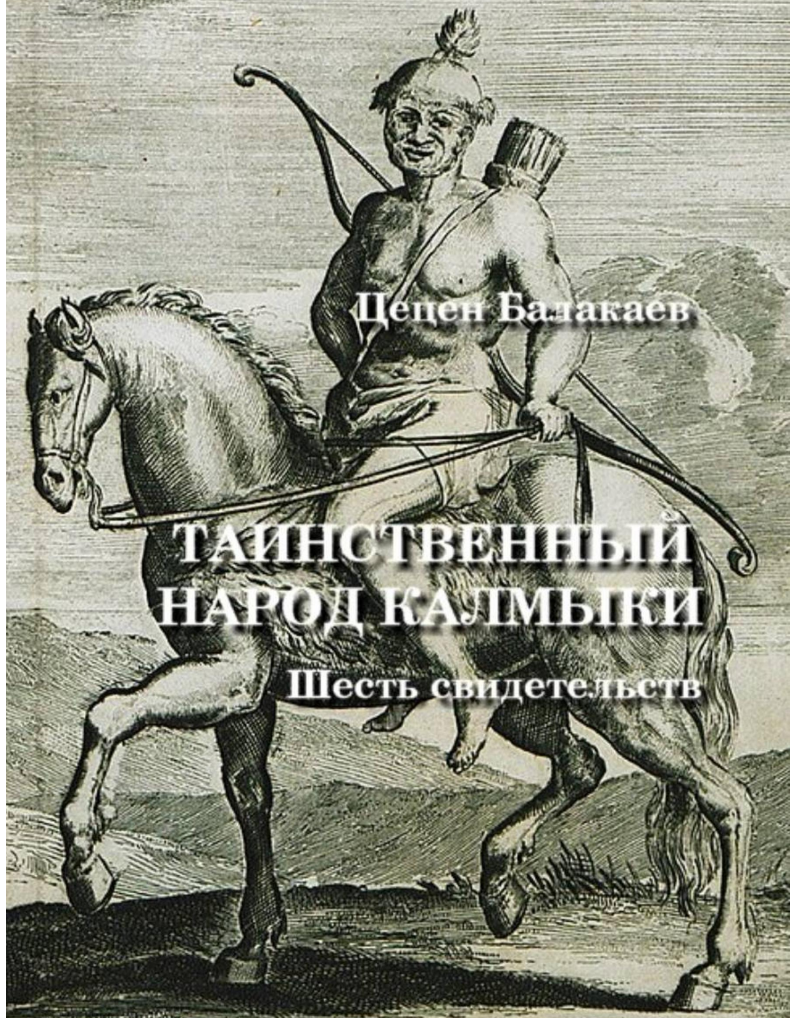

Tartare Calmucque

Цецен Балакаев

ТАЙНСТВЕННЫЙ
НАРОД КАЛМЫКИ

Шесть свидетельств

Цецен Балакаев

Таинственный народ

калмыки. Шесть свидетельств

<https://litres.ru/74022018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они пришли из ниоткуда. Европа считала их дикарями. Россия – военной угрозой. Но кто же такие на самом деле таинственные калмыки?

Новая книга Цецена Балакаева – это уникальный литературный детектив, составленный из шести самых ранних свидетельств. Вы пройдёте путь от первой пугающей встречи с «неведомыми людьми» в свитках Посольского приказа 1574 года до пронзительных записок голландского бургомистра Николаса Витсена и дневников поэта Александра Воейкова.

Глазами голландского купца, впервые попробовавшего солёный чай в войлочной кибитке. Устами казачьего старшины, охранявшего профессора Палласа в степи.

Это не монография. Это погружение в мир, где души переселяются в зверей, правосудие вершит лошадь, а мудрый народ, названный «огненным», не гаснет в веках. Узнайте правду о калмыках – до того, как её переписали учебники.

Содержание

СВИТКИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА О НЕВЕДОМЫХ КАЛМЫКАХ 1574 года	19
Свиток первый	20
Свисток второй	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Цецен Балакаев Тайнственный народ калмыки. Шесть свидетельств

Цецен Балакаев

«Тайнственный народ калмыки». История, рассказанная очевидцами.

Они пришли из ниоткуда. Европа считала их дикарями. Россия – военной угрозой. Но кто же такие на самом деле таинственные калмыки?

Новая книга Цецена Балакаева – это уникальный литературный детектив, составленный из шести самых ранних свидетельств. Вы пройдете путь от первой пугающей встречи с «неведомыми людьми» в свитках Посольского приказа 1574 года до пронзительных записок голландского бургомистра Николаса Витсена и дневников поэта Александра Воейкова.

Глазами голландского купца, впервые попробовавшего соленый чай в войлочной кибитке. Устами казачьего стар-

шины, охранявшего профессора Палласа в степи.

Это не монография. Это погружение в мир, где души переселяются в зверей, правосудие вершит лошадь, а мудрый народ, названный «огненным», не гаснет в веках. Узнайте правду о калмыках – до того, как её переписали учебники.

От автора

Я пишу эти строки в Санкт-Петербурге, апрельским вечером 2026 года. За окном шумит большой имперский город, и кажется, что здесь нет места древним кочевьям. Но я беру в руки папку с пожелтевшими копиями архивных бумаг – и слышу степной ветер. Я слышу, как скрипят кибитки и ржут низкорослые мохнатые лошади, которые шли «сто вёрст в день».

Книга, которую вы держите, родилась из вопроса. Однажды, разбирая документы XVII века, я наткнулся на первую запись о калмыках. Царь Иоанн Грозный разрешил торговать с ними беспошлинно, назвав «неведомым народом». Это слово – «неведомый» – зацепило меня. Мне стало интересно: а какими они видели калмыков? Какими они были на самом деле, пока русские, немцы и голландцы, боязливо крестились при виде их «косых глаз» и «плоских лиц»?

В этой книге – шесть голосов. Шесть срезов времени. Это не историческая монография. Я не ставлю себе целью дать точные даты битв или проценты рождаемости. Моя цель –

дыхание. Я хочу, чтобы вы, читатель, сели в сани голландского купца вместе со мной, выпили отвратительный на вкус будущего бургомистра Амстердама солёный чай в кибитке тайши и увидели, что «дикари» часто оказываются мудрее «цивилизаторов».

Первые свидетельства пугали и удивляли: калмыков считали колдунами, людоедами, слугами нечистой силы из-за их буддийской веры. Позже европейские академики с недоумением запишут, что у этого «грубого» народа нет тюрем и пыток, зато есть закон, по которому несправедливого судью изгоняют навсегда. А в самом начале XIX века поэт с горечью заметит: мы, жёгшие ведьм, называем дикими тех, кто просто пьёт кумыс и верит в переселение душ.

Книга «Таинственный народ калмыки» – это мост. Через время, через страх, через непонимание. Читайте не торопясь. Представьте, что вы тоже получили разрешение от бургомистра Амстердама или рескрипт императрицы Екатерины отправиться в неизведанное. Потому что, как сказал один старый калмык голландцу: «Они просто другие. Но другие – не значит чужие».

Цецен Балакаев

Санкт-Петербург, 2026

ТАИНСТВЕННЫЙ НАРОД КАЛМЫКИ

Записки Корнелиса Янзонса Розенкампена о путешествии в Московское государство, 1664–1665 годы

Из собрания бумаг Николаса Витсена, бургомистра Амстедама

Страница 1

Амстердам, 20 июня 1664 года.

Сегодня я получил долгожданное разрешение от бургомистров. Моё сердце колотится быстрее при мысли о предстоящем пути. Я отправляюсь в Московию – страну, о которой в наших учёных кругах ходят лишь смутные легенды. Отец снарядил меня как подобает: карты, письма к русским купцам, путеводитель по звездам и пустые страницы для записей. Но главная цель не торг и не политика. Главная – неизведанное. Я хочу увидеть земли, где кончается Европа и начинается Азия. И особенно меня влечёт слух о кочевом народе, что пришёл из глубины великих степей. Их зовут калмыки.

Говорят, у них лица, как у луны, плоские и широкие. Говорят, они поклоняются небу и пьют горячий напиток из корня, который валит с ног всадника. Но самое странное: их шаманы могут вызвать дождь и предсказать день битвы. Я дол-

жен увидеть это своими глазами. Если верить картам, их кочевья простираются между Волгой и Яиком. Туда я и направлюсь, как только позволят зимние дороги.

Страница 3

Архангельск, ноябрь 1664.

Море встретило нас свинцом и льдом. Наш корабль «Георг» едва не разбился у Соловецких островов, но Господь миловал. Теперь я в Архангельске – городе из дерева и снега. Русские купцы смотрят на меня с недоверием: молодой голландец, который вместо соборей ищет язычников. Один старый толмач, Матвей, предупредил: «Калмыки – злые люди, господин. Они режут коней на мясо и пьют кровь живьем». Другой, напротив, шепнул: «У них ламы – чёрные колдуны. Они умеют лечить травами и читать судьбу по бараньей лопатке». Я записал оба свидетельства. Истина, как водится, посередине.

Мне подарили тёплый тулуп и войлочные сапоги. Без них в этой стране не выжить. Снег здесь не тает даже в полдень. Лошади покрыты инеем, как привидения.

Страница 9

Ярославль, январь 1665.

Путь от Вологды до Ярославля занял две недели. Сани

скрипят так, что звенит в ушах. Я сильно простудился, но меня выходила жена одного стрельца – она поила меня отваром из шиповника и мёда. Забавно: русские лечат травмами не хуже калмыцких шаманов, но сами этого не замечают.

Сегодня в таверне встретил человека, который реально видел калмыков. Его зовут Григорий, он торгует скотом в Астрахани. «Их орда, – сказал он, – огромна, как звёздное небо. Тысячи кибиток, покрытых серым войлоком. Они ездят на низких лошадях с длинной шерстью. И никогда не остаются на одном месте дольше месяца». Я спросил про веру. Григорий перекрестился: «Они буддисты. У них есть золотые статуи, которым они кланяются. А ещё они верят, что душа переходит в другого человека или зверя после смерти». Я чуть не выронил перо. Переселение душ! Как у пифагорейцев! Но пифагорейцы жили две тысячи лет назад, а здесь, в дикой степи, этот обычай жив и поныне.

Страница 18

Астрахань, март 1665.

Волга вскрылась. Лед пошёл с грохотом, как артиллерийский обстрел. Астрахань – врата на восток. Здесь смесь языков: татарский, персидский, армянский, ногайский. И – калмыцкий. Я нанял переводчика, крещёного татарина по имени Ураз. Он жил среди калмыков три года. «Они не звери, господин, – сказал он. – Они просто живут по другому зако-

ну. У них нет тюрем, потому что убийцу заставляют платить скотом. У них нет писанных книг, но старцы помнят родословную до седьмого колена». Я спросил, можно ли мне отправиться в степь. Ураз долго молчал, потом сказал: «Если ты дашь им подарки – сукно, иголки, зеркальца – они примут тебя. Но не смейся над их богами. И никогда не касайся головы калмыка без спроса. В голове – душа».

Я купил два мешка подарков и пистоль с кремнёвым замком на всякий случай. Но, признаться, я больше боюсь волков и морозов, чем калмыков.

Страница 28

Первая встреча.

Степь. Небо. Земля. И больше ничего. Мы ехали из Астрахани пять дней. Сначала были русские деревни, потом – пустота. Трава по пояс, ковыль серебрится, как седина старика. Ураз сказал: «Близко». Я не верил. И вдруг – дым. Много дыма. Кибитки. Десятки, сотни серых войлочных домов, похожих на огромные грибы. Собаки залаяли. Из кибиток начали выходить люди.

Первое впечатление: они невысокие ростом, но широкие в плечах. Лица плоские, скулы острые, глаза чёрные, как два угля. Одежда – длинные халаты, перетянутые поясами, на головах шапки с ушами, как у лисиц. Мужчины с бритыми головами, но с длинной косой на макушке. Женщины – в яр-

ких платьях, в серьгах с бирюзой. Дети бегают босиком по траве, хотя на небе уже снег с дождём.

Ко мне вышел старик с седой косой до пояса. Он улыбнулся беззубым ртом и сказал что-то по-калмыцки. Ураз перевёл: «Он спрашивает, откуда ты пришёл. Он говорит, что его зовут Намка, и он видел белых людей только раз, двадцать зим назад. Те белые люди были турки». Я ответил, что я голландец, из страны, где вместо степей – вода и ветер. Намка засмеялся. «Вода и ветер, – сказал он, – это наши боги». И повёл меня в свою кибитку.

Страница 31

В кибитке.

Внутри кибитка оказалась удивительно чистой и тёплой. В центре – очаг, дым выходит в отверстие вверху. Вдоль стен – ковры и подушки. На полках – медные чаши, деревянные ложки, сушёное мясо. Пахнет овчиной, дымом и молоком. Я сел на войлок по знаку хозяина. Женщина подала горячий напиток в пиале без ручки. Я понюхал: запах чая, но с чем-то жирным и солёным. Это был калмыцкий чай – с молоком, маслом и солью. Ураз предупредил, что его нельзя отвергать. Я выпил до дна. Горячая солёная жижа потекла по горлу – на вкус отвратительно, но согревает до костей.

Потом подали мясо – варёную баранину, нарезанную широкими ломтями. Ножам не пользуются. Режут ножом, ко-

торый у каждого мужчины висит на поясе. Едят руками. Я тоже ел руками. Намка одобрительно кивал.

В разговоре я спросил про их веру. Намка позвал молодого человека в красном халате. «Это гелюн, – сказал Ураз. – Монах. Он учился в Тибете». Гелюн говорил плохо по-татарски, но мы поняли друг друга. Он объяснил, что мир состоит из пяти элементов, что время циклично и что Будда – это учитель, а не бог. Я спросил про переселение душ. Гелюн улыбнулся: «Если ты был злым, родишься червяком. Если добрым – человеком. Если мудрым – ламой». Я спросил, в кого он хочет переродиться. Он сказал: «В ничто. Это лучшее». Я не понял. Но записал слово в слово.

Страница 34

Калмыцкий пир.

Сегодня у Намки праздник – стрижка овец. Собралась вся сотня кибиток. Играла музыка: странный инструмент вроде скрипки с одной струной, и длинная труба, которая издаёт звук, похожий на рёв медведя. Мужчины состязались в стрельбе из лука. Я видел, как один калмык на скаку попал в мишень размером с яблоко. Невероятно.

Потом была борьба. Два голых по пояс мужчины хватили друг друга за кожаные пояса и пытались бросить на землю. Победитель получил барана. Проигравший – хлопок по спине и смех зрителей. Женщины громко кричали и подбадри-

вали.

Я подарил Намке голландское зеркало в серебряной оправе. Он долго смотрел на своё отражение, потом сказал: «Раньше я думал, что у меня одно лицо. Оказывается, их два». Все засмеялись. Вечером принесли кумыс – кислое лошадиное молоко, хмельное и шипучее. Я выпил три чашки и едва держался на ногах. Ураз сказал: «Не пей больше. Иначе завтра голова будет трещать, как лёд на Волге». Я послушался.

Страница 48

Правосудие по-калмыцки.

Сегодня случилось происшествие. Два пастуха поспорили из-за лошади. Один утверждал, что другой украл её. Собрался совет старейшин – «зарго». Намка тоже был там. Я сидел в стороне и наблюдал. Спорящие говорили по очереди. Никто не перебивал. Потом привели свидетелей. Потом лошадь вывели на середину круга. Один из старейшин, очень старый человек с тремя косами (знак большого рода), сказал: «Пусть лошадь сама выберет хозяина». Он что-то прошептал животному на ухо, затем отпустил. Лошадь пошла прямо к тому, кого обвиняли в краже. Обвинитель побледнел. Старейшина объявил: «Ложь на тебе. Ты отдашь истцу двух овец за клевету». Я был потрясён. Либо лошадь действительно узнала своего хозяина, либо старейшина заранее договорился с ней.

Но калмыки верят, что животные понимают язык богов и не лгут.

Позже я спросил у гелюна, как они наказывают убийц. «Убийца платит девяносто скотин, – сказал он. – Если не может – идёт в рабство к семье убитого. Если убийца – женщина, то сорок скотин». А что, если убийца лама? «Лама не убивает, – ответил гелюн. – Это его первый обет». Мудрые законы. Амстердаму бы поучиться.

Страница 59

Магия и медицина.

Этой ночью я заболел. Желудок отказался принимать кумыс и солёный чай. Меня рвало, трясло, зубы стучали. Ураз хотел везти меня обратно в Астрахань, но Намка не позволил. «Здесь есть свой лекарь, – сказал он. – Бакша».

Бакша оказался невысоким человеком в чёрной шапке. Он долго щупал мой живот, смотрел на язык, потом вынул мешочек с травами. Часть трав он заварил в кипятке, часть – сжёг на углях. Дым был едкий, с запахом можжевельника и полыни. Я кашлял, но через час боль утихла. Затем бакша положил мне на живот горячие камни, обёрнутые в войлок. Несколько раз он шептал на неизвестном языке – Ураз сказал, что это мантры, священные формулы. К утру я проснулся здоровым. Либо травы, либо камни, либо мантры. Не знаю. Но факт остаётся фактом: я жив и полон сил.

За исцеление я подарил бакше ножницы из хорошей стали. Он долго вертел их в руках и сказал: «Эта вещь острее, чем мой ум». Я записал это как пословицу.

Страница 78

Отъезд и размышления.

Месяц пролетел как один день. Я научился пить кумыс без отвращения, сидеть по-турецки и здороваться, протягивая обе руки ладонями вверх. Я видел, как калмыки играют свадьбу (невесту «крадут» на лошади, но по уговору), как хоронят мёртвых (тело отдают земле, а душу призывают вернуться), как молятся своим духам-хранителям, повязав лоскутки ткани на дерево у священного холма.

Но главное – я увидел, что народ, которого боятся на русских границах, – это не дикари. У них свой разум, своя честь, своя поэзия. Они жестоки в битве, но щедры в мире. Они не знают письменности, но помнят тысячи стихов о героях, которые жили тысячу лет назад. Они кочуют, но носят в сердце свою родину – степь, небо, ветер.

Намка на прощание подарил мне свой пояс с серебряными бляхами. «Когда вернёшься в свою страну воды и ветра, – сказал он, – покажи этот пояс внукам. И скажи им, что в степи живут люди, у которых глаза как угли, а души – как ковыль: гнутся, но не ломаются».

Страница 87

Возвращение в Астрахань, май 1665.

Я снова в Астрахани. Отмываю одежду от дыма и жира. Сплю на кровати – и не могу уснуть: слишком мягко, слишком пахнет деревом, а не травой. Ураз смеётся надо мной: «Ты стал наполовину калмыком, господин». Может быть. Может быть.

Сегодня я начал составлять словарь калмыцких слов. Вот несколько:

«Менд» – здравствуй.

«Тегед» – ладно, хорошо.

«Би» – я.

«Сар» – луна.

«Деед» – небо.

«Нухр» – друг.

Они называли меня «нухр». Друг. Иностранец, который пьёт солёный чай и не смеётся над их богами, достоин этого звания.

Я пишу эти строки при свече. За окном шумит Волга, пахнет рыбой и пресной водой. А я всё слышу степной ветер и

звон колокольчиков на калмыцких верблюдах. Увижу ли я их снова? Не знаю. Но записанное не умрёт. Моя книга будет свидетельством: они существуют. И они не таинственные – они просто другие.

Страница 109

Амстердам, 1 сентября 1665 года.

Вот я и дома. Отец обнял меня, мать плакала от радости. Друзья спрашивают про Московию, про царя Алексея Михайловича, про меха и икру. А я рассказываю про калмыков. Они не верят. «Фантазии, – говорят. – Не может быть народа без тюрем и писанных законов. Ты начитался путешественников прошлого века».

Тогда я достаю пояс с серебряными бляхами. Кладу его на стол. Они молчат. Потом один из друзей, врач по образованию, трогает бляхи и говорит: «Серебро грубой работы, но подлинное. И кожа не европейская. Лошадиная?» Я киваю. «Выходит, ты действительно там был?» – спрашивает он. Я открываю свои записи. Сто страниц убористым почерком. Калмыки. Их быт. Их вера. Их мудрость.

Сегодня ночью мне приснилась степь. Намка сидит у кибитки и курит трубку. Гелюн в красном халате читает мантры ветру. И лошади – сотни лошадей – несутся в сторону восходящего солнца, и их гривы развеваются, как пламя.

Я проснулся и записал:

«Калмыки – народ, которого нет на картах, но он есть под небом. И пока есть степь и ветер, они будут кочевать. А пока есть такие, как я, – о них будут помнить».

Корнелис Янсзонс Розенкампен, Амстердам.

Конец записей.

Примечание: Ныне эти записи хранятся в библиотеке Лейденского университета. Пояс Намки – в Рейксмузеуме. А память о калмыках жива в строках, написанных 350 лет назад.

**СВИТКИ ПОСОЛЬСКОГО
ПРИКАЗА О НЕВЕДОМЫХ
КАЛМЫКАХ 1574 года**

Лета 7082-го, мая в 30 день

Свиток первый

В котором думный дьяк Посольского приказа Андрей Яковлевич Щелкалов, при государевых делах первый человек по печатям, излагает получение царского указа и размышления о новых людях, идущих с востока

Государь Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич всея Руси самодержец, в двадцать седьмое лето своего правления, сидел в тот день не в тронной палате, а в малой передней, что у Благовещенского собора. Стены – обитые алым сукном, в углу – образ Спаса Нерукотворного в драгоценном окладе. За окном – май, шумит Неглинка, цветут сады на Воробьёвых горах. А на столе перед государем – карты чертёжные, восковые доски с расчётами и стопа челобитных.

Я, Андрей Щелкалов, думный дьяк Посольского приказа, был вызван к нему в тот час пополудни. Оставив в приказе брата своего меньшого Ивана (который тогда лишь грамоте да переводам учился у подьячих старых), я поспешил, ибо царь Иоанн Васильевич медлить не любил. Слово его – ост-

ро, дело – поспешно.

Вхожу – кланяюсь. Государь глядит исподлобья, но не гневно, а с той холодной и далёкой думой, с какой глядят на восточные рубежи.

– Челобитная, – говорит, не здороваясь, – от Строгановых. От Якова да от Григория. Пишут, что крепости на Каме и за Камским волоком ставят, землю пашут, соль варят. А торговых людей в тех местах мало. Бухарцы бредут с товарами, но пошлин боятся. А я хочу, – тут он поднял на меня глаза, – чтобы бояться перестали.

Я молчал, понимая, что последует указ.

– Пиши, – велел государь. – «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно».

Перо моё, привычное к вязи дипломатической, заскрипело. Но слово «калмыки» я записал, а потом переспросил с должным почтением:

– Государь, не слыхивал я такого народа в Посольском приказе. Крымцы, ногаи, казаки, шведы, ляхи, немцы – это ведомо. А калмыки – кто таковы?

Иоанн Васильевич усмехнулся – той усмешкой, от которой у бояр подкашивались колени.

– А ты думал, Щелкалов, свет на Москве клином сошелся? Степь велика. За Яиком – земли неписанные. Идут оттуда люди. Языка монгольского, веры не нашей. Отделились

они от великих ханов восточных. Слово «калмык» – по-татарски значит «отставший», «оставшийся». Почему – не знаю. Может, отстали от своих, может, их оставили. Но идут. К нам идут.

Я снова поклонился. Мне, служившему при посольских делах без малого двадцать лет, случилось слышать и о нога-ях, и о черкесах, и о сибирских татарах. Но чтобы какой-то новый народ – из-за Каменного пояса?

– Государь, – осмелился я, – не опасно ли звать неизвестных людей беспощинно? Может, они вовсе не купцы, а воины? Ногайцы тоже поначалу торговать приходили, а ныне воруют на дорогах.

Царь Иоанн Васильевич встал, подошёл к оконцу.

– Ногайцы, – сказал он, – наши соседи. Мы их знаем. А этих не знаем. Незнаемый враг – страшнее известного. А неизвестный гость, которого ты прикормил хлебом-солью и беспощинной торговлей, – чем плох? К тому же, – он обо-ротился ко мне, и в глазах его блеснула дальновидность, – Кучум, хан сибирский, ныне крепчает. Он нам враг. А если калмыки у него в тылу встанут – то и нам подмога. Пусть торгуют. Пусть привыкают. А мы посмотрим, что за зверь такой – калмык.

Я дьяк послушный. Сел записывать указ полностью.

Помню, под конец государь добавил, уже не глядя на меня, в окно:

– А ты в летопись внеси. Строгановскую летопись. Пусть

первое упоминание о калмыках на русской земле будет от сего дня. 30 мая 7082 года. Чтобы помнили потомки: не с войны они пришли, а с торга.

Так и записано.

А вечером того же дня я, Андрей Щелкалов, сидя в своей келье в Кремле, велел подать справки. Нашли мне в архиве запись от ногайских купцов, бывших в Москве года три назад. Сказывали они тогда на расспросах:

«Есть, – говорили, – за Яиком кочевой народ, конный, стрелковый. Сами себя зовут ойраты. Лица широкие, глаза узкие, бороды редкие. Говорят складно, но на татарскую речь не похоже. Богатство их – в скоте и лошадях. Лошади у них особенные: не высокие, не тонконогие, как у нас в конюшнях, а низенькие, коренастые, мохнатые, с длинной гривой и крепким копытом. Степную траву едят самую скудную, а идут без усталости день и ночь. И что самое диковинное: каждый воин-калмык имеет не одного коня, а двух – второго ведёт за собой на поводу, сменного. Неприятеля на одном коне атакуют, на втором – преследуют. В степи такой обычай – "одвуконь", значит. Оттого они быстры, оттого неуловимы».

Записал я и это. Но в указ не внёс. Указ о торговле, а не о конях.

Наутро гонец с грамотой пошёл к Строгановым, на Каму.

Свисток второй

Который пишет Хаджи Хусейн, сын Махмуда, казанский гость (торговый человек), человек бывалый и веры магометанской, о том, как казанские купцы слышали царский указ и как собирались в дорогу на восток

Аллах Акбар! Именем Милостивого и Милосердного начинаю свою скаску.

Я, Хусейн, сын Махмуда, из Казани, торгую тридцать лет. Ещё помню, как воевода московский брал наш город. Помню пожары, помню полон. Но Аллах дал: выжил, разбогател. Теперь у меня лавка в Татарской слободе, амбары на Булаке и доверие московских дьяков. Ибо хороший купец везде хорош: с русским – хлебом, с татаринцом – кожей, с бухарцем – шёлком.

В год 1574-й от Рождества их пророка (а по нашему летоисчислению – 982-й хиджры) пришла в Казань весть: царь Иоанн Васильевич пожаловал Строгановых грамотой на восточные земли и велел торговать с пришлыми народами беспошлинно.

Сначала я не поверил. Русские любят пошлины, как соба-

ки – кости. Тамга, явка, весчее, подужное, пятое, десятое – всего не упомнишь. Но тут – совсем без мыта!

– Одурел царь, – сказал мне сосед по ряду, старый Абдулла. – Пустит ворога на порог без приплаты.

– Не одурел, типун тебе на язык, – ответил я. – Царь хочет знать, кто эти калмыки. Он платит нам, купцам, чтобы мы пошли и посмотрели.

Так я и решил: ехать.

Собрал караван невеликий. Взял товар ходовой для неведомых степняков: железные котлы, топоры, наконечники для стрел (без железа степь мрёт), иголки, зеркала, ножи и несколько мешков ржаной муки – для пробы. Если калмыки хлеб примут, значит, можно и далее торговать.

Спутников нашёл: двух бухарцев (те уже торговали за Яиком, знали кочевников), трёх татар касимовских, русского толмача (пьяницу, но языка монгольского разумного) и охрану – десяток казаков из бывших. Всего тридцать человек, три струга.

Путь наш лежал по Волге до Камы, потом вверх до Строгановских городков. Плыли долго – месяц с лишним. Леса – дремучие. Берега – пустые. Только изредка дымок пермяцкой деревни. Комары – тучами. Но мы шли.

В Нижнем Чусовском городке нас встретил приказчик Строгановых, Григорий Анисимов. Мужик крепкий, в немецком кафтане, но русской кости. Грамоту государеву мне показал.

– Вот, – говорит, – Хаджи. По этой грамоте и тебе торговать можно. Ты – казанский гость, не москвит, но и не враг. Иди.

– А где же калмыки? – спросил я.

– Пока не приходили, – усмехнулся Григорий. – Но ногайцы сказали: бродили их разъезды в неделю пути отсюда, за Каменным логом. Остерегаются. Ждут, что мы их перебьем. А мы их – торговать зовём. Глупые.

Я поселился на торжище при остроге. Ждал неделю, вторую. Уже начал думать, что зря тащился.

И вот на восемнадцатый день, на заре, караульщики закричали.

Степь на востоке шевелилась.

Не туча. Тысячи всадников. Но не в строю, как у русских, а рассыпью. Идут медленно, молча. Кони – низенькие, мохнатые, неприглядные на вид. Но я-то, купец, знаю коня. Такой конь в траве не виден, в грязи не тонет, по три дня без корма и воды идёт, а резвость – как у ветра. И у каждого воина – второй конь рядом, с поклажей или запасным луком. Порода степная, выносливая, не наша, не ногайская.

Казаки вокруг меня зашептались:

– Видал? Это их «одвуконь». Сказывают, у одного всадника два коня – и он может менять их на скаку, не слезая. Мунгальская хитрость.

Я же смотрел на вождей. Впереди – четверо на крупных лошадях (отборных, видно). Шапки высокие, остроконеч-

ные. Халаты из китайской парчи. Кривые сабли с яхонтами. Лица плоские, скулы широкие, глаза как щёлочки – но взгляд тяжелый.

К городку подъехали трое. Остановились в ста саженьях. Встал вперёд один, высокий, плечистый, лет сорока.

Григорий велел мне с толмачом подъехать и передать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.